

ГОРЫ

К. Г. ЧЕРНЫЙ.

Из повести «И личного счастья»

Внезапно переписка Кати с Отцом оборвалась. Катя грустила, но относилась к столь печальному факту стоически. Мало ли какие могут быть в горах у Отца дела? К тому же она все время была до предела занята подготовкой дипломного проекта, целыми днями работала, уставая до изнеможения. Но этот период напряженной работы прошел. Все уже позади.

Приближалось время отправления на работу. До приезда Отца Кате казалось, что ей все равно и поедет она куда угодно. А теперь все в ней перевернулось. Это холодное «все равно» стало уходить из ее жизни, сейчас она уже хотела добиваться одного и опровергать другое. С каждым днем все небезразличнее становилось ей, куда ехать на работу. Она хотела посоветоваться с Отцом. С каждым днем это желание росло. К тому же мучило его молчание. Катя не выдержала и позвонила. Оттуда долго не отвечали, а потом чей-то незнакомый голос торопливо спросил:

— Вам кого?

Катя ответила:

— Алексея Алексеевича Бурняева! — и не удержалась, крикнула: — Папу!

— Кого? — спросили не то с

укоризной, не то с сожалением.

Катя снова с нетерпением и громко закричала:

— Папу!

Там где-то далеко послышалось что-то похожее на вздох и слова:

— Подождите, я узнаю!

...Отца внесли в это время в комнату. Одна рука его свисала с носилок, другой он хватался за грудь, за голову — всюду была боль. Доктор разорвал на нем одежду и припал ухом к груди. Отец, казалось, успокоился. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, будто спал.

Девушка, только что говорившая с Катей, подошла к доктору и сказала:

— У телефона его дочь. Отец быстро открыл глаза:

— Дочь? Катя? Дайте мне трубку. Он говорил твердым голосом, как человек, проснувшийся после долгого крепкого сна. Доктор молча кивнул головой. Его подняли и на носилках поднесли к телефону. Он схватил трубку и крикнул, наполняясь радостной силой:

— Катя! Катенька! Это ты? Все очень хорошо, милая! Я счастлив, родная! Приезжай, если можешь!

Трубка выпала из руки. Раздался сухой холодный треск. Кто-то нагнулся, чтобы поднять

трубку. Доктор подошел к Отцу, взял его руку. Сердце больше не билось.

Катя, пораженная тяжелым и жестким ударом, раздавшимся там, где-то очень далеко, стояла, молча ждала, чувствуя, как холодеет в ее руке телефонная трубка. Прошло несколько мучительных мгновений, и Катя услышала снова голос, но не Отца, а чей-то другой. Голос был тих и звучал виновато, словно он принадлежал смертельно усталому человеку, не желавшему поддаваться усталости.

— Катенька! Приезжайте поскорее, как сказал папа!— и положил трубку.

Катя шла с переговорной, а в ушах стоял все тот же сухой и холодный треск, оборвавший разговор с Отцом. Почему Отец не закончил разговор? Может, он торопился на работу? Может, с Отцом что-нибудь произошло? Заболел, может? И чей это голос, звавший поскорее ехать к Отцу?

От множества возникавших внезапно вопросов все тревожнее становилось на душе. Пусть будет все, что угодно, только ничего бы не случилось с Отцом. Это невозможно, это невыносимо, если с ним произошла беда. И навязчивая мысль о беде, раз возникнув, уже не давала покоя. За последние месяцы Катя дошла почти до суеверного страха за себя, за свою судьбу, за судьбу отца, так много за свою жизнь пришлось ей перенести всяких невзгод и горя. Ей порой начинало казаться, что она уже никогда не выбьется из заколдованного круга несчастий, в котором она оказалась.

А что же делать? Взять и сдаться, упасть на землю и закричать — топчите меня! Такая у меня судьба, что ничего другого я не заслужила!

Ну тут же подумала: до чего же можно дойти? Мысли, пришедшие к ней, испугали, как болотная тина, в которую по несчастью попал человек. И хотя все немило было человеку, но он почувствовал, что сейчас может лишиться главного — жизни, которую проклинал все время и которая, как понял он в этот страшный момент, удивительно прекрасна. Все вдруг перед человеком прояснилось: самое страшное не горе, выпавшее на долю, а самое страшное — лишиться жизни.

Катя взяла себя в руки. Если бы с Отцом что-нибудь случилось, ей бы обязательно об этом сказали, потому что от человека можно скрыть тяжелое известие, но страшную весть от человека скрывать нельзя: мир рухнет от беспомощного желания скрыться от горя. Горю, как буре, никогда нельзя показывать спину. Скрыть горе — слишком жестокий поступок. Нет, Катя поступит так, как просил ее Отец: она обязательно приедет к нему в горы. В этом заключается и то главное, о чем просили ее друзья Отца. Она так и поступит.

И чтобы не поддаться малодушию, Катя стала убеждать себя: всего несколько дней — и на это, право, у нее хватит терпения, всего несколько дней — она встретится с Отцом, и все будет хорошо.

Катя терпела, поддерживая себя тревогами радостной встречи с Отцом. Но минуло несколько дней, и пришло письмо от товарищей Отца по работе.

«...Мы похоронили его на большой поляне у въезда в горы. Здесь хоронят всех, отдавших жизнь горам. Это могила мужественных. Геолог, как воин. Он воюет с силами природы. И почти во всех случаях выходит победителем. Но бывают и поражения. Когда Вы приедете сюда, — первое, что Вы увидите, будет кладбище. Неизвестно, кто стал хоронить здесь погибающих в горах. Но он и сам, безусловно, был человеком сильной и мужественной воли. Склоните голову перед теми, кто лежит в могилах. Пойдите, подумайте. Все проходит через это испытание. Что для тебя, человек, стоящий у могил, возникших во славу жизни, — что для тебя, человек, дороже: горы, со всеми опасностями, там ожидающими, или тихое благополучие канцелярий?»

Ваш Отец, Катя, был из породы одержимых. Он никогда не думал о себе и всегда думал о благе человеческом. Мы все его очень полюбили, хотя и прожил он с нами всего несколько месяцев. И не только потому, что он был хорошим геологом и учил нас трудному делу, но еще больше потому, что учит нас несравненно большому: любить людей и жить ради людей.

Приезжайте, Катя! Вы все увидите сами. Приезжайте, Катя, в горы. Это было самое сильное желание Вашего Отца. Горы не

только таят в себе огромные богатства. Горы очищают душу. Они огромны и величественны. Помните слова Толстого: «Сначала горы только удивили Оленина, потом обрадовали, на потом, больше и больше вглядываясь в эту, не из других черных гор, но прямо из степи вырастающую и убегающую цепь снеговых гор, он мало-помалу начал внимать эту красоту, почувствовал горы. С этой минуты все, что только он видел, все, что он думал, все, что он чувствовал, получало для него новый, строго величавый характер гор».

Вы понимаете смысл, вложенный в эти слова Толстым? Никто еще до него, да и после него не сказал так удивительно точно и глубоко, что горы, как мы сейчас говорим, величайший воспитательный фактор. Они огромны и величественны. Вы поймете здесь, в горах, как хорошо жить для большой цели. Это хорошо знал Ваш Отец. Будьте дочерью своего Отца. Приезжайте».

...До Златогорска Катя доехала поездом. Дальше поезда не шли. Ей сказали, что в горах расположен заповедник, и туда ходят автобусы. Но она не стала дожидаться автобуса, на первой попутной машине доехала до заповедника. Она знала, что дальше ходят машины только геологоразведочной партии и ходят довольно часто.

Действительно, ждать ей пришлось недолго. Подъехал грузовик, шофер сказал:

— Садитесь! Одну только

минуту — залью радиатор.

Он схватил резиновое ведро и побежал, перепрыгивая с камня на камень к бурлящему внизу потоку.

И, уже сидя за рулем, пояснил:

— Дорога дальше будет очень трудная.

Катя ничего не ответила. Она только подумала, что дороги более трудной, чем у нее, пожалуй, ни у кого нет. Но шоферу ничего не сказала: надо жить, а горе — оно у всех бывает — горе.

Шофер, словно угадывая ее мысли, сказал:

— У нас уже ждут вас, Катя. Мне наказывали: встретишь девушку, захвати обязательно.

Катя опять промолчала, только покраснела. Жизнь научила ее быть замкнутой.

От заповедника до места стоянки геологоразведочной партии было недалеко. Но дорога действительно была трудная, машину бросало из стороны в сторону. Дорога волновалась, как в беспокойный час море. Руки шофера напряженно вертели баранку руля, глаза пристально глядели на дорогу. Катя почувствовала: начинается дорога, требующая от человека мужества и воли.

Она достала из чемоданчика «Казаков» и стала читать с того места, на котором остановилась в поезде. Это была глава, в которой Толстой рассказывал об Оленине, о раздумьях Оленина в лесу во время мало удачной охоты. Катя читала «Казаков» и до этого, но сейчас было такое ощущение, что книгу эту она взяла в руки первый раз.

Какие у него слова — словно огромные глыбы, свалившиеся с крутых вершин камни:

«И он стал вспоминать свою прошедшую жизнь и ему стало гадко на самого себя. Он сам представился себе таким требовательным эгоистом, тогда как в сущности ему для себя ничего не было нужно. И все он смотрел вокруг себя на просвечивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо и чувствовал все себя таким же счастливым, как и прежде. «Отчего я счастлив и зачем я жил прежде? — подумал он. — Как я был требователен к себе, как придумывал и ничего не сделал себе, кроме стыда и горя! А вот как мне ничего не нужно для счастья!» И вдруг ему как будто открылся новый свет. «Счастье вот что, — сказал он сам себе: счастье в том, чтобы жить для других. И это ясно. В человеке заложена потребность счастья...»

Сильный толчок отбросил Катю на спинку сиденья. Она прижала книгу к груди.

Шофер повернул к Кате утомленное лицо и сказал с улыбкой:

— Привыкайте, Катя, здесь горы!

Катя снова поднесла книгу к глазам. Машина кренилась на поворотах, строчки прыгали в глазах, читать было трудно. Но от книжки Катя уже оторваться не могла. И Оленин был уже не Оленин, а новый, совершенно неожиданный собеседник, которого можно встретить только один раз в жизни, а потому нужно

выслушать все, что может он тебе сказать. Он будто сидел рядом, задавал вопрос себе, но так, чтобы слышала Катя:

«Какие же желания могут быть всегда удовлетворены, несмотря на внешние условия? Какие?»

И отвечал почти шепотом, словно боялся, что, произнеся слова обычные громким голосом, он лишит их смысла, найденного неожиданно, но после долгих раздумий и мук.

— Любовь, самоотвержение!»

Кате захотелось пожать руку Ленину, так хорошо чувствовала она его тихий голос и радостное его смятение. Но все вокруг стало меняться в его настроении. Катя почувствовала страх Оленина, страх за то, что все может измениться, что он не осуществит то, что открыл, что смерть помешает ему это сделать.

«Ему стало так страшно, как никогда. Он стал молиться богу, и одного только боялся то что умрет, не сделав ничего доброго, хорошего; а ему так хотелось жить, жить, чтобы совершить подвиг самоотвержения».

Кате и самой стало страшно за Оленина, как очень страшно было и за себя. Господи, да ведь всего-навсего кончилась глава!

Она закрыла книгу и глянула вперед. Глаза ее отяжелели, устремились в одно место. Вдруг показалось, что ничего уже другого, кроме этого места, никогда не увидит... Она осторожно положила свою руку на руку шофера, прося остановиться.

Но в просьбе нужды не было. Начиналась поляна, и шоферы всегда на въезде останавливали машины. Такова была традиция. Катя оглянулась. В стороне, как и писали товарищи Отца, кладбище.

Катя рванулась вперед и, повинувшись какому-то горькому и точному чувству, остановилась у большого гранитного камня.

Она плакала и не думала сдерживать слезы. Ей было невыносимо тяжело. Совсем недавно она говорила с Отцом, видела его лицо, поседевшую голову, большие жесткие дорогие руки. А теперь, как бы этого ни хотелось, увидеть их невозможно, хотя бы ты и захотела оплатить встречу с Отцом самую дорожную ценою — ценою жизни. И собственная жизнь ей показалась ничтожной и мелкой. На что она годна, если нет в ней той силы, которая могла бы вернуть Отца. На что ей она, на что она ей!

Катя упала с рыданиями на гранитный камень. Холодный камень жег ее, как огонь. Хорошо, больше ей ничего не нужно. Пусть она останется кучкой пепла у отцовского изголовья, а там в земле оживет и положит его голову себе на колени и будет гладить ее, потому что никогда не делала этого в жизни.

Шофер тихонько тронул ее за плечо:

— Надо ехать, Катя!

— Да, надо!

Катя поднялась и поглядела на горы. Безмолвие их гудело, как набат. Там, в горах погиб Отец. И вся его жизнь была тяжелым восхождением, которому она до

сих пор не может найти названия, но перед которым она бесконечно благоговеет. Она найдет то самое место, где сорвался Отец, и пойдет дальше. Обязательно пойдет, хотя бы и ей самой, как Отцу, пришлось сорваться.

Путь у человека один — путь к вершинам: любовь и самоотвержение.

Она шла к машине, но глядела по-прежнему на горы.

Горы! Они поднимались вокруг огромные, загадочные, с вершинами, покрытыми снегом и льдом, огромные горы, не добрые и не злые, а такие, что могли стать для человека и самым великим добром и самым великим горем. У ног ее лежал гранитный камень — вечная печаль ее! Пусть — в печали тоже есть сила. От этого камня начнется и ее дорога. Она еще не знала, что даст ей эта дорога. Как встретит ее вон та скала, похожая на дворец из сказки, в которой обязательно происходят невероятные чудеса? Что скажет ей вон та, похожая на женщину, закинувшую в мудром и скорбном отчаянии за голову руки? Что скажет ей вон тот ледник, застывший в многомиллионнолетнем безмолвии?

Горы были огромные-огромные. И только сейчас почувствовала Катя, что как невелики горы, но жизнь больше, и как много надо иметь сил в душе, чтобы не испугаться, оказавшись лицом к лицу с жизнью. Не испугаться. Это главное. Не испугаться и идти, ибо главная дорога в жизни одна — дорога к вершинам.

...Катю встретили радушно и просто, будто она не впервые приехала сюда, а только уезжала на недолгое время, и вот теперь все радовались ее возвращению. Ей отвели комнату в маленьком, похожем на теремок, домике и предложили отдохнуть с дороги. Но Катя сказала, что отдыхать она не хочет и сказала так, что все почувствовали: отговаривать ее не надо. Она сказала, что хочет пойти в горы, туда, к Отцу.

— Хорошо, — сказала начальник партии, — сейчас я вам дам проводника.

Катя пробовала возразить:

— Может, я одна...

— Нет, Катя, нельзя — горы.

И пока она переодевалась, пришел парень. Он ей не понравился. Особенно глаза. Из-под низко опущенных бровей они глядели как-то чересчур сурово, даже не сурово, а подозрительно. Должно быть, злой человек, подумала Катя и пристально посмотрела на него. Парень сказал веселым голосом:

— Давайте знакомиться. Электрон. Катя не удержалась и переспросила:

— Как?

— Электрон! Не удивляйтесь — жертва моды.

— Но мода давно прошла.

— Я не так уж молод, Катя! — он поднял брови и Катя увидела: глаза у него тихие и светлые. Они улыбнулись.

И Кате вдруг стало легко и непринужденно с этим парнем. Она как-то вдруг сразу поверила в него, почувствовала в нем милую, душевную неуклюжесть, столь

характерную для людей искренних и честных.

— Я готова, Электрон, пойдёмте!

Дорога сначала шла по лесу, вздыбленная камнями, усыпанная жесткой пылью.

Она разрезала гору, и потому казалось, что с одной стороны дороги гора, а с другой — пропасть. Но пропасть была всего-навсего продолжением горы и всю ее покрывал густой сосновый лес. Сосновый лес резко спускался в пропасть и походил не на лес, а на поле, усыпанное зеленью, по которому тянуло разбежаться, задыхаясь от радости.

Катя оглянулась на противоположную сторону и ахнула от неожиданности. Здесь, у дороги на каменном срезе из плотных пород высотой в человеческий рост, росла стройная, высокая сосна.

Электрон сказал:

— У этой сосны почти все останавливаются. Самые восторженные едят. Смотрите: «Сосенка, милая! Обнимаю и целую тебя!» И вот: «Откуда берешь ты влагу, могучее растение?»

Катя сказала:

— Это же чудо!

— Что? — спросил Электрон.

— Вот эта сосна — чудо! Она близко подошла к ней.

— Миленькая, я же тебя давно знаю!

— Вы здесь бывали, Катя? — спросил Электрон.

— Нет, не бывала. Но она

мне снилась. Вот послушайте, это про нее:

Тонка и бессильна

Сосна на высоком обрыве,

Прелестный и нежный,

Еще не окрепший ребенок.

И лет ей, наверно,

Три раза по пять миновало;

Ствол тянется в выси,

Но можно ль к нему прислониться?

А облик прекрасный

Таит в себе влажную свежесть.

Мы в ясности этой

И душу провидим и разум.

— Здесь все чудо, Катя. Пойдёмте! В горах быстро наступают сумерки.

Катя помахала сосенке рукой и пошла за Электроном. Электрон рассказывал:

— Сейчас мы пройдем лес и выйдем на горную поляну. Там вы увидите эдельвейсы, а затем снег, который лежит вечно. Ну, а дальше, там Алексей Алексеевич...

Катя попросила:

— Пойдёмте быстрее, Электрон.

Они молча прошли поле, усеянное эдельвейсами. Несмотря на долгое восхождение, Катя совсем не чувствовала усталости. Наоборот, у нее прибавилось сил и она ускорила шаг. Она жадно смотрела вокруг, и такое было у нее на душе, что попроси ее кто-нибудь рассказать об этом, она не смогла бы ничего сказать, кроме одного слова — «хорошо»...

Они уже давно миновали снежное поле и шли медленно, передвигаясь по узкой каменистой тропинке. Электрон остановил Катю, дотронувшись слегка до ее руки.

— Пойдите, Катя, дальше

не пойдём.

Он указал рукой на высокий и острый выступ скалы:

— Вон там Алексей Алексеевич... Там произошла катастрофа.

Катя медленно пошла дальше. Электрон — за нею. Они остановились у скалы. Катя сказала:

— Он не мог упасть. Понимаете, он был опытным геологом. Это сердце.

— Сердце?

— Ну да, сердце. Он слишком близко все принимал к сердцу. Часто волновался.

— Странно, все говорят, что не надо волноваться, и все между тем волнуются.

— Не все, далеко не все.

— Катя, а это лучше, когда волнуются?

— Я не люблю людей чересчур спокойных.

— Но спокойным людям живётся всегда лучше.

— Нет, я не думаю, Электрон. Господи, как трудно произносить ваше имя!

Электрон опустил брови. Катя почувствовала себя неловко.

— Извините меня, — и твердо добавила, — Электрон!

Он сказал:

— Но спокойному человеку лучше. Я знаю это по себе, часто волнуюсь, а потом подумаешь: а зачем?

— И несмотря на эти рассуждения, вы всегда, должно быть, будете волноваться. Может быть, я и согласилась бы с вами, если бы я знала, что вы понимаете под спокойствием. Есть

спокойствие — выдержка, выдержка спокойного человека. А есть спокойствие равнодушного человека. Понимаете, он спокоен, потому что ко всему равнодушен. Я боюсь таких людей. Им лучше, говорите вы. Конечно, с точки зрения житейского благополучия, может. Да, такие люди живут в хороших квартирах, своевременно принимают пищу, именно принимают, с соблюдением пищевого режима. Они очень заботятся о здоровье. А я им не завидую. Не хочу завидовать. Понимаете, в жизни есть что-то другое, более значительное для человека.

— Это я понимаю, — сказал Электрон.

После паузы Катя сказала:

— Давайте посидим здесь. Расскажите мне об Отце.

— А разве вы не все знали об Отце?

— Наоборот, я знала о нём очень мало. Так вот случилось. А знать о нём я хочу все. О работе знаю мало. А вы с ним работали.

— Ваш Отец работал здесь над поисками новых лечебных источников. Он утверждал, что вот этот хребет, — Электрон провел рукой линию по горизонту, — у своего основания имеет мощный магматический очаг, от которого по подземным каналам к северу текут горячие и холодные целебные источники. Он далее утверждал, что практически источники эти неисчерпаемы, поскольку магматический, очаг хребта является непрерывно вырабатывающей их гигантской лабораторией. Не исключено, что

такой лабораторией является и Эльбрус.

— А почему Отец думал, что под Эльбрусом живет эта незастывшая лавина?

— Я тоже так думаю, Катя, — продолжал Электрон. — Дело в том, что в своем предварительном поясе Эльбрус до сих пор выбрасывает из трещин сернистые газы, а у подножия его вытекают источники Джилы-Су. Они имеют всегда одну и ту же и довольно высокую температуру. Это я вам все когда-нибудь покажу, если вы согласитесь.

Катя молча кивнула головой и попросила:

— Рассказывайте!

— Алексей Алексеевич говорил, что среди этих источников, надо полагать, есть такие, о чудодейственной силе которых мы можем и не догадываться, и что они очень и очень нужны человеку, его здоровью. Постойте, Катя, как это он говорил: человечество идет к

своему социальному возрождению, но ему нужно не менее и возрождение физическое. Старый мир был преступен по отношению к человеку еще и потому, что он распространил среди людей множество всяких недугов. В общем, человеку надо вернуть здоровье, отвести от него огромное количество заболеваний.

Знаете, Катя, я у кого-то прочитал, что великий человек это тот, кто не утратил невинности и кротости своего детства. Ваш Отец рассказывал нам даже сказки. Он был, как бы вам это лучше сказать, жаждущий. Я как-то неясно говорю, но вы должны меня понять, он всегда хотел делать дерзновенно к страстно.

— Он очень много перенес в своей жизни, — сказала Катя.

— Мы не знали этого. Он никогда не давал нам почувствовать, что у него есть недуги. Наоборот.

Электрон задумался, подыскивая нужные слова:

— У него всегда горели глаза, как у ребенка, смеялся он тоже как-то по-детски. А главное, что в нем трогало нас, это его горячая детская увлеченность. Мы, признаться, завидовали ей... Это та увлеченность, обладатели которой обязательно что-то открывают. Он был чудак, хороший милый чудак. Такие люди никогда не могут уgomониться и подумать о себе, об отдыхе, о благополучии своем. Странно, но мне казалось: того, что мы часто называем личным счастьем, у него было сколько угодно.

— Электрон, — Катя снова запнулась. — У вас есть отчество, Электрон?

— Отчество меня выручает, Катя. Извольте — Эммануилович.

— Ну вот видите, как хорошо: Электрон Эммануилович. Спасибо вам за добрые слова об Отце.

Электрон опустил брови. Катя увидела, что он и впрямь немолод: тонкие, словно паутина, морщины отползали от глаз, незаметно теряясь в висках, большие, изломанные пересекали лоб. Он смутился, почувствовав взгляд Кати. Катя сказала:

— Красиво здесь!

— Здесь все красота и богатство. Катя! И то и другое должно служить человеку. Мы как-то расточительно равнодушны. Вот об Отце вашем сказать этого нельзя. Хотите его сказку слышать?

Катя молча кивнула головой.

— Я плохой рассказчик, Катя. Смысл, в общем, такой. Город в горах умирал от жажды. А воду хранил в подземном царстве злой дэв и никому ее не давал. Смелый

юноша спустился в подземное царство, пришел к реке, набрал кувшин доверху воды и собрался уходить, но дэв остановил его словами:

— Кто ты?

— Я твой гость, — откликнулся юноша.

— Хорошо, — ответил дэв, — как гостю прощу один раз.

А юноша вернулся и роздал жителям города воды по яичной скорлупе. И город снова умирал от жажды.

Юноша отправился второй раз к дэву, и второй раз дэв разрешил ему наполнить кувшин водой. Но когда пришел юноша в третий раз, дэв сердито сказал: один раз — гость, два раза — гость, третий раз — что за гость?

— Но люди умирают от жажды, — воскликнул юноша.

— А-а, — ответил дэв, — вода моя, а людей я не люблю!

— Не любишь?! — закричал юноша и бросился на дэва.

Они долго боролись, пока не всадил юноша дэва в песок по самое горло и не отрубил ему мечом голову.

И тогда вернулся юноша в город и рассказал людям:

— Идите к реке и пейте воду.

Люди пошли, пили и чувствовали, как возвращаются к ним силы.

От холодной вершины Эльбруса расплзлось белое марево.

Электрон пристально посмотрел на него.

— Я хочу закончить свою

мысль, Катя! Алексей Алексеевич очень любил Эльбрус и глубоко верил, что старик сослужит добрую службу людям в их походе за здоровье.

Он снова посмотрел на белое марево.

— Пойдемте, Катя, скоро пойдет дождь. Они стали спускаться: Электрон, впереди,

Катя за ним. Электрон спросил не оглядываясь:

— Вам нравятся горы?

— Нравятся! — ответила она, а себя спросила: «А за что они мне нравятся? Да за то, должно быть, что настойчиво подчеркивают содержательность жизни человеческой. Сами-то они вечны и как будто говорят все время: тебе, человек, дана короткая жизнь, а ты можешь ее сделать еще короче. Но можешь сделать ее и такой, что она продолжится и после тебя, во всем том, что живет вечно: в садах и домах, в песнях и хлебе, в детях и смехе детском. Не забывай только, что ты человек».

— О чем вы думаете, Катя? — спросил Электрон.

Катя ответила вопросом:

— В горах, должно быть, всегда хочется что-то делать, правда?

— Правда, Катя! — он помолчал, оглянулся назад, сказал:

— Давайте, Катя, остановимся на этой площадке.

Катя подошла к нему ближе.

— Посмотрите, пожалуйста, вниз!

Катя посмотрела туда, куда указывал рукой Электрон:

— Видите, — спросил он.

— Вижу! Ленин!

— Да, Ленин! Это Алексей Алексеевич высекал на досуге. А потом стали ему помогать все. Отсюда портрет очень хорошо виден, правда?

— Да, очень хорошо!

— Мы очень привыкли к портрету, Катя. Идешь в горы, устанешь, остановишься, глянешь назад: Ленин! И снова идешь дальше. Спускаясь с гор, тоже: остановишься на этой площадке, как на привале, глянешь вниз: Ленин! Ваш Отец, как видите, был еще и художником. А теперь пойдемте, Катя!

— Давайте посмотрим еще минутку, Электрон, можно?

— Нельзя, Катя! Оглянитесь назад.

Белое марево спускалось вниз. Оно заволокло двуглавую вершину Эльбруса и стремительно спускалось вниз.

— Через пять минут вы уже ничего вокруг не увидите. Пойдет дождь. Пойдемте! Кет, стойте! Предосторожность не помешает.

Он вытащил веревку, быстро закрутил ее вокруг туловища Кати, второй конец привязал к собственному поясу.

— Вот так-то будет лучше!

— Электрон, вы забыли, что я тоже геолог!

— Нет, не забыл. Но горы не терпят легкомыслия, Катя.

Дождь начался крупными тяжелыми каплями и сразу превратился в ливень, словно на горы обрушился оттуда, сверху, океан. Все сразу исчезло в лавине воды. Осталась только одна

тропинка под ногами и — больше ничего.

Электрон шел впереди, нет, не шел, а бежал, легко и грациозно поднимая ноги. И было в этом непринужденном легком беге что-то от самой природы, естественное и настороженное, словно бегущий, ликуя от радостного ощущения жизни, забыл о грозящей беде.

Кате нравился этот спуск. Воды было так много, что не помогала и водоотталкивающая куртка. Она вдруг ощутила в себе чувство совершенно новое и неизъяснимое. Так, должно быть, чувствовали себя далекие-далекие предки, застигнутые в горах бурей. Сплошная лавина воды! Она обступает спереди и сзади, справа и слева, и вырваться из нее совершенно невысказано. Катя видела только ноги впереди, ноги, взлетающие высоко и падающие уверенно на тропинку. Она не чувствовала никакого страха, а, наоборот, удивительную слиянность с природой, не жестокой и не ласковой, а такой, какой она могла бы быть,— сильной. И должно быть, наперекор этой слепой и дикой силе она хотела противопоставить свою и бежала легко, сглатывая падающие на губы капли воды. Она услышала голос:

— Как себя чувствуете, Катя?

Она ответила:

— Хорошо!

— Сейчас дождь кончится. Это обычные шутки старика! Действительно, когда они выбежали на дорогу, ведущую к лагерю, дождь прекратился. Но они еще по инерции продолжали бежать, повинуясь стремительной силе,

влекущей вперед. Только увидев сосну, растущую на каменной плите, Катя остановилась, оперлась спиной о плиту и, раскинув в стороны руки, посмотрела на Электрона, который стоял рядом, развязывая веревку.

— До чего же смешное у вас имя, Электрон!

Она засмеялась весело и тихо, как ребенок.